

Виктор Казаков

Плавни

Виктор Казаков

Плавни

«Книга-Сэфер»

2015

Казаков В.

Плавни / В. Казаков — «Книга-Сэфер», 2015

...Маленький провинциальный городок, в котором по воле автора некоторое время проживут герои повести «Плавни», расположен вблизи Государственной границы бывшего СССР. Установленные здесь порядки, конечно, в повседневную жизнь горожан приносят некоторую специфику, но это – лишь внешняя сторона здешней жизни. Главные же события, о которых рассказывается в книге, обусловлены не географическими обстоятельствами, а нравственным обликом героев повестей, чьи души, образ мышления и характеры выковывались и закалялись общими для всей страны «режимными» порядками.

Содержание

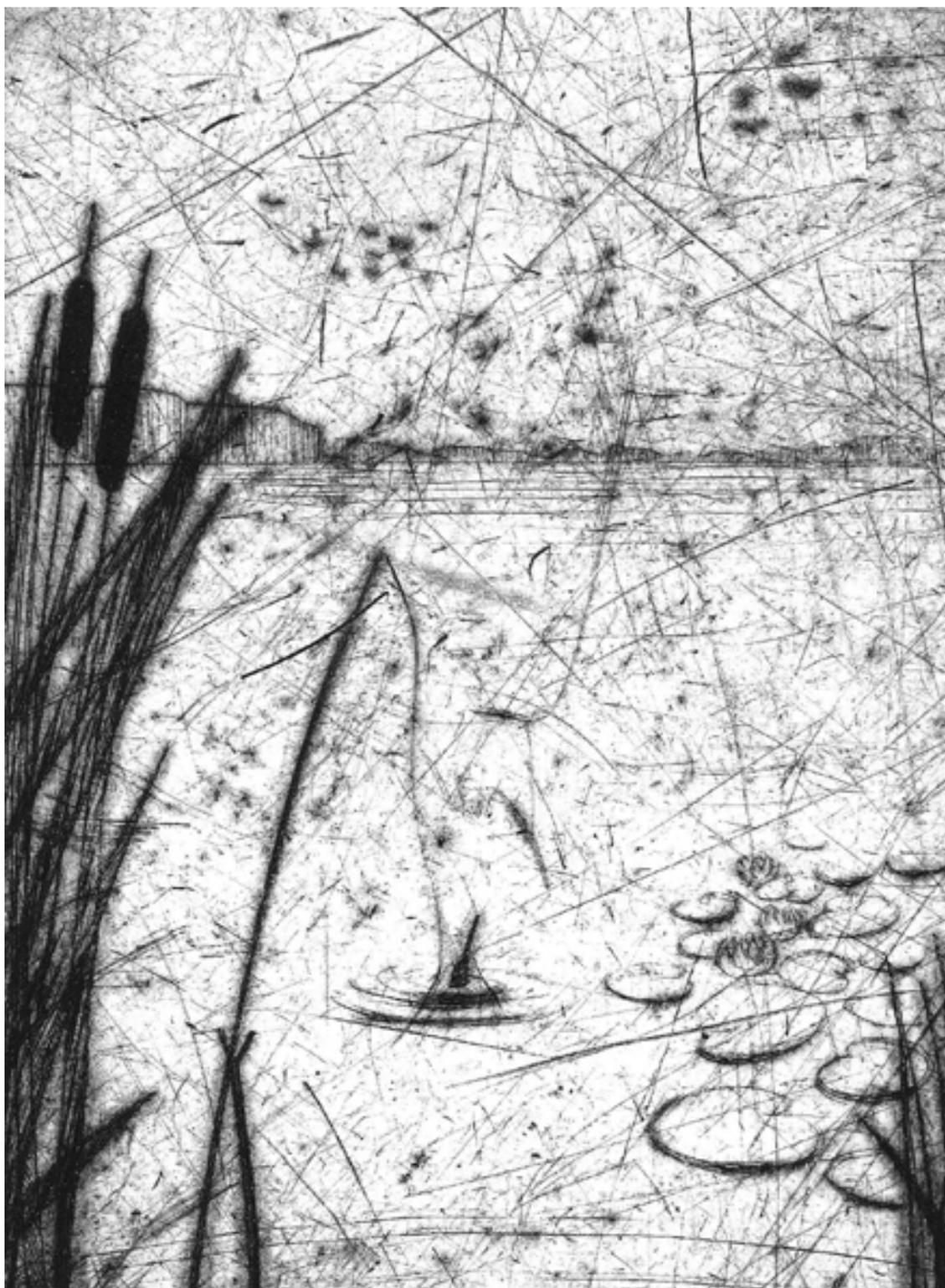
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Казаков

Плавни

© Виктор Казаков, 2015
© Издательство «Книга-Сефер»

* * *

Глава первая

1

По городу пополз слух: плавни скоро будут осушать. Конечно, это была неумная выдумка, ядовитая обывательская сплетня, и нормальный человек, казалось, не должен был бы не только обсуждать, а и всерьез выслушивать злое пророчество. Но прутчане запаниковали. Они по опыту знали о странной, еще не исследованной наукой, но, безусловно, носившей объективный характер закономерности: чем нелепее приходил в город слух, тем скорее он подтверждался на практике.

Их город был маленький и неудобный. В нем даже деревья – вдоль тротуаров и в парке, – за которыми круглый год ухаживала специальная служба озеленителей, росли плохо: было слишком много тепла и не хватало влаги. Жилища преобладали саманные – деревенского типа хатки, сложенные из смеси глины с соломой; новостройки же последних десяти лет – несколько двухэтажных зданий в центре города – только обезобразили облик Прутска: типовые проекты двухэтажек предусматривали архитектурную одинаковость, простоту и дешевизну домов, а, кроме этого, любое строительство в городе неизменно сопровождалось массовым воровством всего, что за день не успевало забетонироваться или хотя бы прибиться гвоздями.

Зимой, часто бесснежной, улицы Прутска остужали холодные ветры, поднимающие на площадях пыльные вихри (ветры оголтело приносились со степей, с трех сторон окружавших город). Летом прутчане изнемогали от зноя.

Но был у города и предмет радости! Как будто предугадывая будущую обездоленность Прутска благами цивилизации, природа одарила его настоящим чудом: с западной стороны к городу подступали Плавни Большой Реки.

Множество озер, окруженных зарослями камышей, тростника, другой болотной растительностью (все это покоилось на тысячах гектаров!), уходило за горизонт; на десятки километров тянулись спрятанные в камышах неподвижные русла-протоки, маршруты которых проложили еще древние рыбаки, промышлявшие здесь сомов, шук, карпов и нигде больше, а только здесь, у Прутска, размножавшихся больших, как огромные сковородки, раков. Протоки складывались в сложнейшие лабиринты, по ним, как кровь по сосудам живого тела, в дни половодий из Большой Реки шла в плавни вода. С каждой весной плавни отторгали в протоки все отжившее и ненужное и через эти же протоки наполнялись силами для новой жизни.

В плавнях купались, рыбачили, охотились. На них любили *смотреть* – на камыши, водоросли, кувшинки, лилии, на солнце, ныряющее на закате в огромное озеро, за горизонтом спрятавшее свой дальний берег. Любили *слушать* плавни – гвалт лягушек, и осторожный сигнал утки шустрому, недавно вылупившемуся пернатому поколению, и веселый свист кулика, спрятавшегося в прибрежных камышах, и легкомысленный крик небольшой чайки, парящей в небе над чистой водой.

Здесь все в человеке будило фантазию, и даже тому, кто был вовсе лишен воображения, когда он тихо пробирался в лодке по узким протокам в камышах, могло почудиться, что плавни вот-вот раскроют ему одну из своих древних тайн...

И вот слух: плавни будут осушать.

За что, за какие грехи хочет наказать их Всевышний?

Жизнь прутчан, в полном согласии с устоявшимся порядком, сплеталась из событий мелких и незначительных. У этих событий не было продолжения, ибо, мелькнув, как проехавший под окнами автомобиль, они не оставляли следа в памяти людей.

Может, такую жизнь небеса и расценили как грех?

2

Солнце уже взошло, еще нежарким теплом стало согревать город. На улице имени маршала Буденного у ветхого, с камышовой крышей и окривевшими окнами дома возле забора на скамейку, уже наполовину вросшую в землю, в тот час усаживались маленькие сухонькие старушки. Екатерина Варсанофьевна, так уважительно называла одну из старушек вся улица, была хозяйкой и единственным жильцом дома, две других, Анастасия и Елизавета, жили рядом.

Начало тем утренним посиделкам положила весной Екатерина Варсанофьевна. Тогда она пригласила в гости своих соседок, к которым в последние годы совсем было стала охладевать, чтобы посоветоваться, стоит ли ей переезжать к сыну, получившему в столице республики трехкомнатную квартиру (со всеми удобствами, – не раз было подчеркнуто в том разговоре). Подружки посоветовали переезжать, после чего Екатерина Варсанофьевна окончательно укрепила в решении дом свой в Прутске до конца отпущенных ей дней не покидать.

С того дня старушки, к их общему удовольствию, стали видаться чаще, каждый день по утрам...

– В город скоро приедет молодая учительница. Из Одессы, – поерзав на скамейке, сообщила подругам Елизавета.

Подруги никак не откликнулись на эту информацию. Тогда Елизавета, подняв над головой маленький кулачек, уже с вызовом добавила:

– Без мужа, а с двойняшками!

Екатерина Варсанофьевна на этот раз спокойно уточнила:

– Из Одессы учительницу выгнали за распутство.

– За распутство?! – подслеповато сощурилась, вглядываясь в лицо подруги, Анастасия. Она только недавно услышала это слово (вместо него всю жизнь употребляла другое, синонимичное, редко встречающееся в печати), и оно ей очень понравилось. Старушка произносила слово с нескрываемым сладострастием: несколько мгновений буксовала на первом «с», потом делала звонкое ударение на «у», и, наконец, из уст ее со свистом вылетал остаток слова – «раССС-пут-ство!»

– Такие дела, подруги... – Екатерина Варсанофьевна поправила на плечах большой пуховый платок. Воздух за ночь поостыл, и собственного тепла старушке уже не хватало.

Тема, затронутая Елизаветой, конечно, могла бы стать основной в повестке описываемого нами утра, но у старушек для ее углубления пока было мало информации. Поэтому через минуту заговорили о другом.

– Ты лучше проясни нам, Елизавета, когда начнут травить лягушек в плавнях, – сдержанно, но и лукаво улыбнулась Екатерина Варсанофьевна.

О лягушках Елизавета рассказывала вчера: ее сын Валентин «из компетентных источников», как по-научному выразилась Елизавета, узнал и по секрету сообщил ей, что в плавнях появились ядовитые лягушки; власти, заботясь о безопасности граждан, решили «повести с ними непримиримую борьбу», и, «чтобы лишить лягушек кормовой базы», скоро плавни будут осушать.

Анастасия новость приняла спокойно – она всю жизнь верила в справедливость и полезность любого решения властей. А Екатерина Варсанофьевна, напротив, в любых решениях властей в первую очередь искала подвох и тайное намерение обжулить.

– Ну, ядовитые и ядовитые, – отозвалась она на новость о лягушках, сообщенную Елизаветой. – Нам-то что? Мы что – французы? Едим их, что ли?

– Отравляют среду, – по-видимому, опять процитировала сына Елизавета.

Судя по заданному вопросу, Екатерина Варсанофьевна хотела продолжить начатый вчера разговор, но в это время на дороге появилась машина с помятой грязной цистерной – сын Елизаветы Валентин, закончив утренний полив улиц, ехал домой завтракать. Напротив скамейки, где сидели старушки, машина остановилась, и когда улеглась пыль, из окна кабины высунулась плутоватая загорелая физиономия:

– Не помешал мозговому штурму?

Валентин Унгурян в Прутске был известен шутками-розыгрышами, к которым имел природную склонность и большую изобретательность. Некоторые его выдумки годами весело вспоминались и рассказывались как анекдоты. Например, однажды прошлой осенью, уже отстояв в плавнях вечерку, охотники, среди которых был и Валентин, сели на поляне поужинать. Как водится, достали бутылку водки, но стаканов ни в одном рюкзаке не обнаружили – забыли их дома. Унгурян предложил: «Будем пить из бутылки по очереди и по одному глотку». – «Как по одному? Глоток глотку рознь». – «В момент глотка на горле дергается кадык». Попробовали на парикмахере Рубинштейне – кадык парикмахера действительно точно зафиксировал момент, когда бутылку надо было передавать второму. Вторым был Унгурян. За его кадыком бдительно следили со всех сторон, один из охотников, Сергей Вахранев, для верности даже приложил два пальца к горлу товарища по оружию. Но Валентин вылил в себя бутылку до дна, а кадык его так и не пошевелился. «Я только воду пью, как нормальные люди, – глотками», – честно потом признался водитель поливалки.

Последнюю шутку, получившую общегородскую извесность, он разыграл месяц назад: к окну кабины своей грязной машины приклеил портрет первого секретаря республиканского ЦК партии Ивана Ивановича Бендаса.

Снимок сделал, по-видимому, начинающий фотограф-любитель во время какого-то церемониала, и вождь республики был изображен на нем со значительными отклонениями – естественно, не в лучшую сторону – от официальных портретов. Городская милиция потребовала снять украшение, но Валентин в ответ послал в милицию письменное объяснение: «Снятие товарища Бендаса не представляется возможным в связи с нераскрытым мною секретом состава клея. Пробовал отмачивать портрет водой, бензином и водкой – не помогает».

Начальник городского управления милиции подполковник Шустовой, прочитав объяснение, опасно побагровел и на служебном газике лично кинулся искать по городу Унгуряна. «Издеваешься над властью?!» – взревел, рывком открывая дверцу поливалки, остановленной им возле парка. – «Я же вам писал, товарищ подполковник, портрет не поддается отклеиванию». – «Так какого х... ты его приклеивал?!» – на всю улицу гремел бас начальника милиции. – «А я его и не приклеивал. Кабина машины не замыкается, вот ночью в нее и пробрались агенты». – «Какие еще агенты?!» – «Не знаю. Только клей, которым держится на стекле товарищ Бендас, в Советском Союзе не производится и не продается».

По-шутовски надвинув на брови черную пропыленную шляпу, сын Елизаветы насмешливо смотрел на притихших на скамейке старушек. Екатерина Варсанофьевна, конечно, уловила насмешку в словах по поводу мозгового штурма и, нахмутив высокий лоб, обдумывала достойный отпор нахалу, которого помнила еще бесштаным и сопливым. Но, ничего не придумав, лишь добродушно проворчала:

– Мог бы и не пылить.

И тут вспомнила о только что прерванном разговоре с Елизаветой.

– Слушай, – сощурила глаза, заглянув под шляпу Унгуряна, – ты что рассказывал матери про лягушек из плавней? Неужели они и в самом деле ядовитые?

Унгурян сначала не понял, о чем его спрашивает Екатерина Варсанофьевна, потом, вспомнив недавний, вовсе уж несерьезный, разговор с матерью, которую тоже порой не щадил

своими шутками, одним пальцем медленно поднял шляпу высоко на лоб и сурово покосился на Елизавету, опять мелко заерзавшую на скамейке:

– Я же предупреждал тебя, мама: дело с лягушками секретное, информация, которую я тебе доверительно сообщил, – для узкого круга лиц.

Снял шляпу, поклонился старушкам и, улыбнувшись, включил мотор.

3

К этому времени на центральной улице Прутска уже открылись двери парикмахерской. Оба ее мастера, вовсе не похожие друг на друга ни по внешнему облику, ни по характерам (Рубинштейн – высокий, худой, всегда гордый, серьезный; Мулярчик – толстенький коротышка, болтун, вертопрах и, по словам своей сестры Розы, «страшный бабник, сексуальный бандит»), отличались общей склонностью к философскому осмыслению окружающей их действительности. Процесс осмысления протекал у них без отрыва от производства, производству не мешал и, в отличие от академических аудиторий, где, как известно, истина всегда рождается в споре, в коллективе прутских брадобреев носил мирный и взаимоуважительный характер.

Разговор сегодня начал Мулярчик, сообщивший коллеге важную новость:

– Моя сестра Роза вчера вечером, когда мы за ужином ели жареный картофель, сказала: «Хочется съесть что-нибудь остродефицитное». Как тебе нравится такое нахальство?

Рубинштейн поддержал разговор:

– А мой брат привез из Москвы высококачественные ботинки. Французские.

– Свободно лежат?!

– «Лежат...» – Рубинштейн многозначительно посмотрел в потолок. – Там тоже надо попасть на момент.

Известие о покупке братом Рубинштейна высококачественных французских ботинок обострило в Мулярчике гражданское самосознание, в результате чего он произнес фразу, которая потребовала от него некоторого мужества:

– Там, где производят импорт, работают за валюту, а у нас, – мастер скосил глаза на широко открытую, занавешенную (от мух) марлей дверь, – за победу в социалистическом соревновании.

Рубинштейн в ответ промолчал. И не только потому, что боялся поддержать политически неблагонадежное суждение коллеги; он заподозрил в нем второй, косвенно касавшийся его, Рубинштейна, смысл: Рубинштейну, первому среди тружеников Прутска, недавно присвоили звание «ударник коммунистического труда», а Мулярчик, который, в дополнение к уже отмеченным, со слов его сестры Розы, слабостям, был еще и честолюбив, красный вымпел пока не получил. В его словах Рубинштейн и предположил зависть и намек на эту социальную несправедливость.

Диалог прервал вошедший в парикмахерскую сотрудник местной газеты «Шаги к коммунизму» Евгений Васильевич Ковалев – человек стройный, средних лет и высокого роста; на нем были отутюженные белые брюки и легкая льняная сорочка с короткими рукавами; черную шевелюру газетчика с правого бока уже серебрила седая прядь, что усиливало важность и солидность Евгения Васильевича, а всегда серьезные карие глаза выдавали в нем постоянную работу ума и ослабленное чувство юмора.

Ковалев был взволнован и хмур, и Рубинштейн, человек чувствительный и равнодушный к страданиям ближних, искренне вздохнул про себя: «Что ж это за личная жизнь, если человеку уже в такой ранний час плохо?»

Намыливая щеки Ковалева, участливо спросил:

– Женя, что – опять осложнения на Ближнем Востоке?

Ковалев в ответ что-то невнятно проворчал, и парикмахер, будучи человеком деликатным, застыдился своего нетерпеливого желания, подняв для приличия меж– дународную тему, обсудить с газетчиком главное – судьбу прутских плавней (он уже сочинил витиеватую фразу, с которой собирался завязать об этом разговор: «Женя, – вертелось на языке Рубинштейна, – что нового говорят в высших сферах о нашей святыне?»).

...А Ковалеву было не до вопросов парикмахера. Он размышлял над разговором, случившимся два часа назад (этот разговор, а не очередная ссора с женой, как было предположил Рубинштейн, и был причиной его плохого настроения).

Ранним утром – свет нового дня едва обозначился на востоке – Евгений Васильевич бежал трусцой по пустым, еще погруженным в плотный мрак улицам. Был он по пояс гол, в длинных шортах и старых кедах, надетых на толстые шерстяные носки; лоб прикрывал длинный пластмассовый козырек, резинка козырька стягивала на голове мокрые от пота волосы. Неслышно касались тротуара старые резиновые подошвы; глубоко и жадно дышала остывшим за ночь воздухом грудь...

В последние годы Ковалев испытывал глубокую неудовлетворенность жизнью – душу терзали постоянные разлады с женой Екатериной Ивановной, женщиной на редкость ленивой и глупой. Когда-то учившаяся медицине, она теперь целыми днями сидела на скамейке во дворе дома, где жила с мужем в двухкомнатной квартире, и колупала палочкой землю. На вопросы соседей, почему она не устроится на работу, Екатерина Ивановна объясняла: «В высшем обществе жены не работают».

Весной Евгений Васильевич совсем было собрался уйти из дома. В маленький кожаный саквояж, в котором, по семейному преданию, еще дед Ковалева, генерал, врач царской армии, возил по манжурским сопкам свои медицинские инструменты, он сложил опасную бритву, смену белья, зубную щетку и рукописи неоконченных произведений. И ушел бы через минуту, если бы на пороге квартиры вдруг не появилась Екатерина Ивановна. Увидев мужа с саквояжем в руках, она сразу все поняла и поступила так, как в таких случаях обычно поступают женщины, в роду которых никогда не было генералов: тяжелыми шагами подошла к мужу и вlepила ему звонкую и унижительную оплеуху. И намертво заперла двери.

Екатерина Ивановна очень гордилась своим поступком. «Я спасла семью», – говорила она соседкам, при случае вспоминая об инциденте.

А Ковалев, окончательно смирившись с существованием в его жизни Екатерины Ивановны (за десять лет так и не родившей ребенка), стал спасать собственную душу.

Бег трусцой был одним из элементов системы самоусовершенствования, придуманной Евгением Васильевичем (кое-что, не без этого, он позаимствовал у восточных народов), и сегодня утром наш герой отрабатывал на бегу одно из сложнейших упражнений этой системы – учился усилием воли «уходить в пуп». Кажется, он уже смог вызвать в себе необходимые для этого импульсы – как будто ощутил их в тот момент, когда пересек площадь у педучилища и, заложив крутой вираж возле магазина хозяйственных товаров, вышел на центральную улицу. Но тут... Когда по заасфальтированной прямой он уже набрал необходимую скорость, по его разгоряченному телу вдруг ударила мощная струя холодной воды. И хотя тело на этот душ отозвалось с благодарностью, купание было непрошенным, и Ковалев, остановившись на тротуаре, в сторону, откуда ударила струя, бросил взгляд, полный оскорбленного достоинства.

На противоположной стороне улицы, у райкома партии, под густой старой липой стояла трехтонная поливалка и шофер ее, уже знакомый читателю Валентин Унгуриян, выглядывал из кабины и, не боясь разбудить город, весело хохотал.

– Привет защитнику униженных и оскорбленных!

Узнав приятеля, Ковалев майкой, которую держал в руке, вытер лицо и сердито огрызнулся:

– Французы говорят: если хочешь представить себе понятие бесконечности, подумай о человеческой глупости.

– Bravo, Женя! И как ты узнаешь, что говорят французы? – Унгурия не скрывал удовольствия от встречи. – Не сердись, кроме этой водометной установки, – он похлопал ладонью по крыше кабины, – у меня не было ничего другого, способного остановить твой целеустремленный бег.

– А тебе обязательно надо было меня останавливать?

– Обязательно! Я придумал и спешу подарить тебе несколько замечательных фраз, литературных, можно сказать, шедевров!

Валентин втянул голову в кабину и вытащил из «бардачка» грязную тетрадь. Махнул рукой:

– Подходи.

Ковалев пересек улицу и сел на подножку поливалки.

– «Шире размах прыжков в воду!» – открыв тетрадь, торжественно, как на митинге, прочитал Унгурия. – Прекрасный заголовок для спортивных обозрений! А это – реалистическая по форме и социалистическая по содержанию реклама: «Не будь, товарищ, дураком, купи в расрочку дырокол!» Каково сказано, Женя, а? Еще один шедевр, познакомь с ним своего редактора Рошку – он ему пригодится для сочинения очередного наболта: «Кадры решают все, даже кроссворды!»

Ковалев, подозревая, что «шедеврами» исписана не одна страница тетради Валентина и чтение всех их закончится не раньше восхода солнца, остановил все более воодушевлявшегося водителя поливалки:

– Как к тебе приходит вся эта чушь, Валя?

Валентин почесал за ухом:

– Фразы навеяны нашей светлой действительностью. Вчера идеологическая работа в городе – и до этого, как ты знаешь, пребывавшая на небывалой высоте, получила дальнейшее развитие: в Прутске обновилась наглядная агитация. На воротах рынка, до этого безыдейных, теперь объявлено: «СССР – наша Родина!»; у входа в парк на алом кумаче – от имени миллионов: «Все наши мысли – о тебе, партия!» Я решил попробовать в том же жанре, и если ты одобришь...

– Одобряю. А теперь скажи мне: среди идеологических шедевров, которые ты так старательно вызубрил, не попадался тебе плакат, призывающий в рекордные сроки осушить наши плавни?

Валентин втянул голову в кабину и уже без балагурства ответил:

– Такого плаката в городе пока нет, Женя. Пока.

– Думаешь, повесят?

Унгурия пожал плечами:

– Город гудит; говорят, техника на озерах появится уже осенью.

Помолчали.

– А я не верю, – Ковалев встал с подножки. – Преступления совершаются, когда они кому-то выгодны. А кому нужны осушенные плавни? Колхозам? Помидоры выращивать? Их уже сейчас в районе убирать некому.

– В действиях властей ты ищешь логику...

– Конечно, не в дурдоме же мы!

– В дурдоме было бы проще: там Наполеон думает исключительно об интересах общественных. А настоящий Наполеон, имею на этот счет глубокое убеждение, никогда не забывал и об интересах собственных, шкурных, тайных, и еще большой вопрос, о каких из этих двух интересов он вспоминал чаще и с большим удовольствием. Так и наши власти: думают

они не только о колхозных помидорах, значит, и логику их действий надо искать не только на общественных нивах.

...Слух, к которому они еще вчера относились как к пустой болтовне, кажется, сегодня впервые стал пробуждать тревогу.

Пожимая протянутую руку Ковалева, Унгуриян не преминул подлить масла в огонь:

– Плавни, Женя, будут осушены. И мы с тобой вместе со всем прутским народом одобрим это свершение, а твой Рошка напишет газетную передовицу «Конец комариного царства!»

Рубинштейн открыл тумбочку, где в одном из дальних углов стоял зеленый флакон с одеколоном «Шипр». Он сильно сожалел, что не расспросил у газетчика новости.

А Евгений Васильевич новостей, которые заботили парикмахера, не знал; официальные инстанции по поводу плавней молчали, и это усиливало худшие опасения Ковалева.

4

В жаркий полдень в сторону восточной окраины Прутска неторопливо шел Сеня Петухов, всем в городе известный дурачек. Был он в светлых чесучовых брюках и белой майке; клетчатая рубаха, зажатая в правом кулаке, небрежно болталась у его колен.

Вскоре открылся пустырь, на котором одиноко стоял старый, никем не заселенный дом. От ветхости дом разваливался. Выкрашивался коричневый кирпичный фундамент, зеленым мхом зарастала труба; полустгнившая, настежь распахнутая дверь давно вросла в землю, что и позволяло ей еще кое-как стоять, а не трухлявиться, лежа в траве. Летом прошлого года над Прутском прошел сильный ливень, лишивший дом последней штукатурки. После этого полностью обнажились старые саманные блоки, утыканые ржавыми гвоздями, сильнее скобочились гнилые рамы окон, в некоторых местах на потолок обвалилась камышовая крыша.

Возле дома Сеня остановился, сел на покосившееся крыльцо, куда еще попадала тень от старой, росшей неподалеку акации, и судя по нахмуренному лбу и сосредоточенному взгляду, устремленному в бесконечность, тотчас же погрузился в нелегкие думы. На этом же месте в той же позе и с тем же взглядом, устремленным в бесконечность, редкие прохожие видели Сеню и вчера, и позавчера, и полмесяца назад. Какую-то хитроумную задачу приносил сюда в больной голове бедный Петухов, несуетно искал он ее решение, и прохожие, увидев тощую фигурку, сиротливо сидевшую на уже наполовину сгнившем крыльце, жалели Сеню.

Несчастье случилось с ним пять лет назад. Сеня тогда работал слесарем на местном пивзаводе. Завод был старый, оборудование на нем, установленное еще до революции, вконец износилось, и директор предприятия Кондратенко, заручившись поддержкой министерства, решил реконструировать производство. В промышленном районе страны заказал для завода новую технику, а все старые механизмы приказал вывезти на базу вторсырья (в результате чего предприятие впервые выполнило план по металлолому и получило за это небольшую премию).

Через месяц привезли первую партию ящиков с новым оборудованием. Понимая, что до последних ящиков дело дойдет нескоро, директор решился на еще один отчаянный шаг – стал капитально ремонтировать и заводские здания. За два дня мощная техника на гусеницах, нанятая в стоявшей на окраине города воинской части, развалила гнилые стены, вывезла мусор и разравнила заводскую территорию. После этого экскаваторы стали рыть траншеи под новые фундаменты.

В тот день, когда мощный тягач на многоколесной платформе привез на завод главную деталь обновлявшегося пивопроизводства – огромный котел, Сеня стоял в общей толпе рабочих и, как все, радовался историческому для предприятия событию. И вдруг у него тревожно заколотилось сердце; слесарь, во время реконструкции и вынужденной остановки

производства несколько месяцев проработавший каменщиком, хорошо помнил размеры приготовленной для котла дырки в стене капитально переделанного цеха и теперь, глядя на металлическую громадину, медленно поворачивавшуюся на автомобильной платформе, натренированным глазом специалиста точно определил: в ту дырку агрегат не пройдет.

Сеня посмотрел на стоявшего неподалеку от него Кондратенко и... тут с ним и случилось несчастье. Говорят, во всем виноватой была наследственность.

– Враги народа не все уничтожены, – произнес слесарь негромко, продолжая пристально смотреть на директора. И поскольку толпа в буквальном смысле замерла, наблюдая за последним разворотом тягача, Сеню услышали. Уборщица заводоуправления Тоня Ермакова первой повернула голову в сенину сторону и по лицу рабочего, как она потом всем охотно рассказывала, сразу поняла, что «Сеня не того».

Проломив стену, монтажники через день втащили котел в цех, а слесарь по настоянию прутских врачей к этому времени уже лечился в республиканской клинике. Вернулся он оттуда через полгода; как будто ни в чем не изменился, только теперь на улицах Прутска бывший слесарь стал произносить обличительные монологи, главная мысль которых была постоянной: где-то *наверху* работают влиятельные враги народа, и директор пивзавода Кондратенко – их южный резидент.

Может быть, и на этот раз Сеня думал на ту же тему...

Но вот возле дома, объезжая большую лужу, притормозила известная всему Прутску зеленая «волга» – первый секретарь райкома партии Сергей Иванович Варочка возвышался в ней на правом переднем сидении, крутил перед собой ручку приемника, чтобы поймать нужную волну и послушать последние известия. В эту же минуту, пыля и покачиваясь на колдобинах, с «волгой» случайно пересекалась другая известная всему Прутску машина – серая «волга» председателя райсовета Николая Егоровича Волкова. Поравнявшись, машины остановились, но, разумеется, вовсе не потому, что руководители района на крыльце полуразрушившегося дома увидели Сеню, – у них в эту минуту возникло желание коротко, но ответственно поговорить.

Блаженный человек, однако, поднялся с крыльца и подошел к уже вышедшим из машин начальникам. И обратился к ним с таким злободневным заявлением:

– Самый знаменитый в городе дом разваливается из-за происков враждебных сил!

И первый секретарь, и председатель знали, что Сеня – больной человек, и разговаривать с ним всерьез, конечно, не собирались. Но у них в ту минуту было по-особому светло на душе: после рапорта колхоза имени Ленина, переданного в райком час назад, стало ясно, что квартальный план по молоку район перевыполнит; обрадованные этим обстоятельством, руководители не только не рассердились на Сеню, а даже улыбнулись ему.

И в ту же минуту были вознаграждены такой исторической справкой:

– Дом в восемнадцатом веке построили солдаты Суворова; в нем был штаб полководца. А в этой комнате, – Сеня ткнул пальцем в черный провал одного из окон, – генералиссимус планировал фокшанскую битву. Здесь же ночевал Александр Сергеевич Пушкин, когда путешествовал с полковником...

Волков, человек любознательный, услышав неизвестные (и столь интересные) ему факты из истории Прутска, сел на крыльцо дома и уже потянул было руку к блокноту, который постоянно носил с собой во внутреннем кармане пиджака. Но, вспомнив о болезни Сени, молча упрекнул себя за наивную доверчивость и записывать услышанное не стал.

А Сеня продолжал рассказывать о самом знаменитом в городе доме. По его словам, «десятки исторических деятелей прошлого оставили свои замечательные автографы на этих стенах», последним «в одна тысяча девятьсот сорок четвертом году» был генерал-полковник Ватутин...

Варочка слушал Сеню сначала со снисходительной улыбкой, потом на его лице недолго поблуждало искреннее любопытство; но минуты через три секретарь заметно заскучал – может быть, потому, что, хорошо зная послевоенную историю Прутска, он уже не надеялся услышать что-нибудь интересное. Варочка повернулся к машине и через минуту уехал бы, если бы Сеня, по одному ему понятной логике, вдруг забыл об «историческом» доме и его великих посетителей и не заговорил о предмете, в последние дни волновавшем Варочку не меньше, чем кварталный план по молоку.

– Враждебные народу силы, окопавшиеся в центре, собираются осушать прутские плавни, – Сеня сделал паузу, во время которой Варочка и принял решение дослушать его. – Кондратенко получил приказ изготовить карту плавней, сфотографировать озера, пляжи, лодочные причалы, мосты... Для чего им это нужно? Тут любому виден военный интерес. Сейчас Запад может попасть в Прутск только на вертолетах; а когда не станет воды в плавнях, появится возможность двигаться в страну на танках, бронемашинах, велосипедах... Плавни – щит Родины, поэтому Кондратенко и его хозяева стараются убрать их с наших священных рубежей.

«Какая, однако, чушь», – рассердился, наконец, первый секретарь, а Сеня, будто прочитав его мысли, ступешался и замолк.

– Примем меры, – обращаясь к Сене, сказал Сергей Иванович и повернулся к все еще сидевшему на крыльце Волкову:

– Едем в райком, Николай Егорович.

В большом кабинете было светло и прохладно.

– Садись, председатель, – Варочка показал на мягкое кресло у тумбочки с телевизором, а сам сел за стол – на свой обычный жесткий стул. – Обдумаем слова блаженного человека.

Волков с наслаждением вдыхал остуженный кондиционером воздух.

– По поводу полковника, с которым вояжировал по Прутску Пушкин?

– Был такой полковник, Коля. Звали его Липранди. Не слышал?

О Липранди Волков не слышал и поэтому слегка вспыхнул:

– Я, Сергей Иванович, сейчас думаю не о полковнике Липранди, о котором, между прочим, хотел бы что-нибудь прочитать, а о старшем лейтенанте в отставке Лопатине, который вчера опять приходил ко мне просить квартиру и которому я опять, кроме обещаний, ничего не дал.

Варочка миролюбиво махнул рукой:

– Оставим военных... Итак, уже городские дурачки комментируют слух об осушении плавней, а мы все еще делаем вид, что ничего не слышим.

Волков согласился, что молчать по поводу пересудов власти города, конечно, не должны, но и преувеличивать опасность сплетни не стоит.

– Слух, за которым нет ничего, кроме дешевого зубоскальства, забудется через неделю.

У Сергея Ивановича, однако, прогнозы были иные. Он считал, что «дешевое зубоскальство» с каждым днем в городе будет усиливаться, ибо оно вовсе не «дешевое» и не безобидное, каким считает его простодушный председатель исполкома.

– Я не исключаю и политического прицела во всей этой болтовне.

...Волков, слушая первого секретаря, все больше осознавал серьезность момента и все чаще вынужден был соглашаться с Сергеем Ивановичем. Да, замысел недоброжелателя (назовем его пока так) скорей всего построен на бесспорной истине: плавни для горожан бесценны – как жизнь; муссируя слух о планах властей осушить озера (планах не районных властей, которые сами *такого* не запланируют – права не те, а властей повлиятельнее), кто-то хочет посеять среди прутчан враждебность к руководителям.

– Слух, – продолжал аргументировать свое предположение Варочка, – с каждым днем обрастает все более мелкими, а потому, как многим кажется, правдоподобными деталями. Говорят, будто районное руководство за счет плавней хочет увеличить площади сельхозугодий – чтобы земля под водой не пропадала; будем осушать сорок тысяч гектаров...

– Ого!

– Похоже, перед нами, Николай Иванович, – настоящая провокация.

Волков достал из кармана блокнот.

– Надо поскорее успокоить город, – председатель сделал в блокноте запись и добавил: – И отыскать источник сплетни.

Варочка одобрительно кивнул головой:

– Я поручу это районной госбезопасности.

5

Через полчаса в актовом зале райсовета Волков созвал совещание исполкомовского аппарата. На нем было решено завтра после обеда созвать в Прутск всех депутатов района и объяснить им официальную позицию по поводу слуха о плавнях; подчеркнуть безосновательность и опасность слуха; попросить провести в трудовых коллективах разъяснительную работу.

– Депутаты, получив от нас правдивую информацию, успокоят город, – высказал надежду председатель.

Аппаратчики остаток рабочего дня провели на телефонах. А Волков, чтобы продумать свою завтрашнюю речь перед депутатами, закрылся в кабинете.

С чего он начнет речь? Что предпримет, чтобы злая сплетня о плавнях скорее забылась и не терзала души людей?

Волкову все еще хотелось быть полезным людям, хотя он и знал о некоей странной, в последние годы фатально повторяющейся закономерности: чем интереснее и значительнее были его председательские поступки, тем больше он наживал себе неприятностей, а порой и врагов.

Например, два года назад – в самом начале своей исполкомовской карьеры – Николай Егорович решил помочь людям обзавестись жильем. Поехал в столицу республики и добился разрешения огромный окраинный холм Прутска отдать в пользование индивидуальным застройщикам. Чиновники, подписывая разрешение, наверно, надеялись, что из затей председателя ничего не получится – хотя бы потому, что строительные материалы тогда в частные руки государство почти не продавало. Но через год на холме вырос целый городок уютных и нарядных домиков. Еще один городок, значительно превосходивший тот, что покоился на холме, был построен внутри холма: неутомимые строители возводили подземные этажи, копали огромные погреба, где надежно хранили снятый осенью с приусадебных участков урожай, и сооружали *погребки* – обставленные мебелью, освещенные люстрами и разноцветными бра залы, куда летом можно было спрятаться от зноя и где круглый год хранилось две-три тонны (такова была единица измерения) вина. Рассказывают, в строительную страду были случаи, когда соседи встречались не только на улице, а и, неожиданно, под землей – во время нескоординированной обеими сторонами выемки грунта при сооружении очередных упрятанных от посторонних глаз хоромов.

Столичное начальство, узнав все это, испытало противоречивые чувства. С одной стороны, оно восхитилось изобретательностью людей (нашли же где-то все – гвозди, цемент, доски!..), с другой стороны, был праведный, озаренный светом самой передовой теории классовый гнев: хоромы выстроили? Бра повешали? Да это же – прямой путь в трясины частнособственнической психологии!

Последовали оргвыводы. Чиновники, подписавшие разрешение на освоение холма, «за политическую близорукость» были уволены с должностей; Волков «за утерю политической бдительности» на бюро ЦК получил выговор; Варочке тогда грозил перевод на работу в правоохранительные органы, но его спас дальний родственник – партийный функционер, приближенный к самому Бендасу. Сергей Иванович отделался критикой на бюро ЦК и «за несвоевременное реагирование на чуждые партии действия» выговором с предупреждением. Троиим прутским коммунистам, построившим дома на холме, уже на бюро райкома «за нравственное перерождение» дали по выговору «с занесением».

Волков к наказанию отнесся спокойно: во-первых, он был убежден, что за любое доброе дело так или иначе надо платить; во-вторых, Николай Егорович (простим ему эту слабость!), когда видел красивые улицы, выросшие на холме, очень гордился собой, и это чувство было гораздо сильнее досады от какого-то там (тьфу!) выговора.

...Скорей всего, думал, запершись в кабинете, Николай Егорович, заморочившая всем головы сплетня – действительно выдумка провокатора. Значит, чтобы решить, что делать, надо понять причины, пробудившие в человеке злой дух. Где искать эти причины? Конечно, в самом Прутске, где живет (в этом нисколько не сомневался Волков) и автор черной фантазии... Николай Егорович перебрал в памяти множество лиц, десятки конфликтных ситуаций, долго размышлял над общей неустроенностью жизни города, но всякий раз, выстраивая логическую цепочку, путался в противоречиях и упирался в тупики.

Так и не осилив главные, заданные самому себе вопросы, Николай Егорович неожиданно принял решение, как будто не имевшее отношения к плавням, но очень обрадовавшее председателя. Потому что, не прочитав ни одной строки Гегеля, а Маркса изучив лишь по брошюрам, предназначенным для широкой сети партийного просвещения, был он стихийным диалектиком и материалистом и по здравомыслию понимал взаимосвязь и взаимозависимость явлений в природе и обществе. Вспомнив сегодняшний разговор с сумасшедшим Сеней, Волков вызвал к себе начальника городской строительной конторы Бориса Анатольевича Шварца и поручил ему срочно начать ремонт полуразвалившегося дома на восточной окраине Прутска.

– Откроем в нем большой магазин, – сказал председатель начальнику стройконторы и, минуту помолчав, добавил: – Промтоварный.

Чрезвычайное собрание депутатов, как и распорядился председатель, состоялось на другой день, но заметного результата мероприятие не дало: слухи об осушении плавней продолжали множиться, обрастали все более невероятными подробностями.

6

Через несколько дней в городе пошли дожди. Забарабанили по окнам, зашелестели по мягким камышовым крышам; акации и тополя, отмывшись от пыли, заблестели яркозелеными листьями.

В день, когда дождь, казалось, лил с особым усердием, к дому на восточной окраине Прутска подъехал старенький самосвал. Втянув шею под воротник фуфайки, из кабины выпрыгнул краснолицый крепыш среднего роста, в кирзовых сапогах и фуражке-восьмиклинке. Он мрачно посмотрел на небо, стер рукавом фуфайки с лица ручьи дождя, стекавшие с помятого козырька фуражки, и стал медленно обходить дом. Время от времени он останавливался и стучал носком кирзового сапога по кирпичному фундаменту. Делал он это не для того, чтобы определить остаточную жизнестойкость древнего кирпича – ему и без того было понятно, что фундамент под дом придется закладывать новый, а для того, чтобы укротить угнетающую его душу досаду: ему с похмелья не хотелось работать, тем более под дождем.

Обойдя дом, он остановился у крыльца, еще раз хмуро посмотрел на небо, сплюнул в сердцах под ноги и, наконец, крикнул шоферу:

– Разгружай!

Самосвал заурчал, кузов стал медленно опрокидываться, из него в грязь посыпался желтый песок.

В тот день начался капитальный ремонт дома, когда-то, как утверждал Сеня Петухов, выстроенного солдатами генералиссимуса Суворова.

Плачинта появился на стройке в тяжелые для нее дни. Стены дома были уже разрушены, а горячие степные ветры, вновь разгулявшиеся здесь после дождей, до последней пылинки развеяли остатки штукатурки. В кучу гнилого хлама были свалены доски пола, двери и все то, что бригадир, уже знакомый нам крепыш в фуражке-восьмиклинке, демонстрируя профессиональную эрудицию, называл столяркой. Столярку пытались сжечь, но она не горела. Кроме песка, на стройке никаких необходимых для реставрации дома материалов не было. Одним словом, к тому дню, когда Наум Львович впервые пришел к месту своей будущей работы, строительная площадка, искалеченная следами радикальных разрушений, не была отмечена ни одним признаком созидания.

Трое парней, присланных сюда стройконторой, валялись в густой пыльной траве, прикрытой тенью, которую отбрасывал росший под окном бывшего дома большой куст колючего шиповника. Бригадир ушел доставать материалы, а эти трое, купив несколько бутылок столового вина, не спеша пили его и лениво разговаривали.

– Вчера ко мне подошел Лешка... Ну, тот, что на базаре конфеты продает.

– Рыжий что ли?

– Не-е, рыжего уже посадили. Другой, толстый. Ну, что шофером на «скорой» работал.

– А-а, рыбак... Ну, так что?

Вопрос этот на некоторое время оставался без ответа, потому что третий собутыльник в это время стал разливать вино в стаканы и этим действием притормозил беседу.

Молча чокнулись, и через минуту тот, что начал разговор, продолжал:

– Так вот, подходит ко мне Лешка, спрашивает: у тебя, говорит, кирпичка не найдется? Говорю: найдется. А доски, говорит, есть? Говорю: есть...

Его слушатель лег на спину и захмелевшими глазами стал смотреть в дышавшее зноем голубое небо. Сказал, вздохнув:

– Скорее бы Михалыч решил вопрос со стройматериалами...

Тот, что был с бутылкой, опять стал наполнять стаканы, но вдруг остановился и, минуту о чем-то важном для себя посоображав, наконец, спросил:

– А сколько дает Лешка?

Лешкин знакомый пожевал губами, сплюнул в траву:

– Цена известная. Только бы Михалыч не подвел.

Еще раз подняли стаканы.

В это время к ним и подошел Плачинта – в черной шляпе, коричневой рубашке (навыпуск – это несколько скрывало его большой живот) и белых широких брюках.

Плачинту уважал весь Прутский район, даже весь юг республики, потому что в магазине, которым он до последних дней заведовал (магазин располагался в селе Светлом, прильнувшем к северной окраине Прутска), всегда можно было купить нечто такое, чего нельзя было купить в остальных промтоварных магазинах. Откуда Наум Львович доставлял в свою, уже накренившуюся на один бок, покрытую почерневшей соломой торговую точку дефицит, никто из обывателей не знал, поэтому говорили разное. Лаконичнее других феномен Плачинты истолковал на улице имени маршала Буденного Михаил Михайлович Вассерман – пенсионер,

астролог-любитель и выкрест: «Плачинта, что вы хотите, – еврей». Многие склонялись к тому, что у завмага есть «рука» на столичных базах, некоторые шли дальше: в столичных кабинетах. А кое-кто договаривался и до смешного: все, мол, дело в том, что у Плачинты есть родственники в Канаде («и открыт тайный подземный переход Прутск-Монреаль», – услышав эту чушь, съязвил водитель городской поливалки Унгурия).

Сам Плачинта секретами своей работы вслух ни с кем не делился – может быть, еще и потому, что, как у большинства прутчан, в нем жила веселая и безобидная страсть дразнить людей.

Наум Львович присел на траву и, галантно сняв шляпу, представился строителям:

– Плачинта, директор этого магазина, – брезгливо показал пальцем на кучу хлама из столарки.

Строители растерянно молчали, а Плачинта, на этом знакомство посчитавший законченным, перешел к делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.